

ВЛАДИМИР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Частная собственность сквозь призму социологического институционализма

Abstract

The author of this article makes an attempt to define the categorical matter of conceptual model of social institution. Thereto the institutional conceptualizations lately suggested by Ukrainian sociologists are used as initial patterns. The named categorical pattern will be applied in the future as a means to define theoretical and methodological basis for the analysis of integration/disintegration processes in the social structure of modern Ukrainian society that changed owing to the private property re-institutionalization in the course of privatization.

История неоднократно доказывала правильность высказывания Н.Макиавелли о том, что люди скорее простят смерть своих родителей, чем потерю собственного имущества. В предшествующие века радикальные трансформации отношений собственности в обществе сопровождались социальными конфликтами — мятежами, восстаниями, переворотами, революциями, гражданскими войнами и репрессиями. Изменение субъектов собственности на факторы производства неминуемо противопоставляло взаимоисключающие интересы бывших и новых собственников, обуславливало более или менее жесткое противоборство между ними.

В частности, утверждение частной собственности на землю в Российской империи в ходе столыпинской аграрной реформы 1906–1917 годов — одно из следствий буржуазной революции 1905–1907-го. Зато дальнейшее утверждение общественной, или государственной собственности на землю и капитал — завоевание социалистической революции 1917-го и гражданской войны 1918–1920 годов. Затем произошло “закрепощение труда”, экспроприация собственности не только богачей, но и тружеников — лишение последних собственности на свою рабочую силу в результате ее фактического огосударствления (определение И.Поповой) [1, с. 40]. Эта фактичес-

кая и (частично) юридическая национализация рабочей силы в СССР в конце 1920-х и в течение 1930-х годов, связанная со сворачиванием нэп, внедрением института прописки и обязательной общей занятости населения, индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией, была отягощена не только социальной напряженностью в обществе, а иногда и открытым вооруженным сопротивлением отдельных социальных слоев, например зажиточных крестьян. При осуществлении такой тотальной национализации применялись репрессивные меры массового характера. Среди исследователей бытуют разные трактовки репрессий 1930-х и действий государственных и партийных структур во время голода в Украине 1932–1933 годов (речь идет о принудительном изъятии продовольственных запасов у крестьян-единоличников, не вступивших в колхозы, о запрете выезда их с территорий, охваченных голодом) как средств классовой борьбы. Объектом применения этих средств становились люди, не желавшие терять возможности свободно владеть, распоряжаться и использовать свою рабочую силу; всячески саботировавшие коллективизацию (крестьяне), индустриализацию (рабочие, служащие, инженерно-технические работники) и культурную революцию (интеллигенция). Не составляли исключения и люди искусства — литераторы, музыканты, художники и другие представители творческих профессий. Их рабочая сила была фактически национализирована путем обязательного членства в контролируемых и управляемых государством и правящей партией монопольных профессиональных объединениях, регламентировавших творческую деятельность. Аналогичные процессы национализации факторов производства в условиях гражданской войны продолжались на западноукраинских землях после вхождения их в состав Украинской ССР в конце 1930–1940-х годов (во время немецкой оккупации все средства производства были национализированы рейхом). В итоге деинституционализация частной и институционализация государственной собственности на факторы производства в ходе социалистической трансформации одновременно явились радикальным преобразованием социальной структуры общества, когда в результате тотального и бескомпромиссного гражданского противоборства исчезли целые классы и социальные слои частных собственников (см. табл.).

Таблица

Классовый состав населения СССР, % [2, с. 232]

Состав населения	1913	1928	1937	1959
Все население	100	100	100	100
Рабочие и служащие	17,0	17,6	45,7	68,3
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари	–	2,9	48,8	31,4
Помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы, кулаки	16,3	4,6	–	–
Крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	66,7	74,9	5,5	0,3

Подобные преобразования с различной вариативностью происходили после Второй мировой войны в странах — сателлитах СССР. В Восточной Европе, где весомым фактором было советское военное присутствие, они, как правило, носили гораздо менее кровопролитный характер. А вот на Дальнем Востоке (Монголия, Китай, Корея, Вьетнам) этот процесс также усугублялся

гражданскими войнами. Вооруженная борьба сопровождала более или менее успешные попытки таких преобразований в Латинской Америке (Куба, Чили, Никарагуа).

На фоне этих исторических примеров остроконфликтного характера радикальной трансформации отношений собственности весьма контрастно выглядит относительно мирная и не отягощенная масштабным применением насилия обратная трансформация отношений собственности в современных постсоциалистических странах, продолжающаяся в течение последних полутора-двух десятилетий. Характерно, что первые шаги на пути преобразований в данном случае инициировали коммунистические властные элиты. Так, легализация частного предпринимательства в форме кооперативов во время перестройки в 1988 году фактически означала зарождение частного сектора рынка занятости, утрату государством позиции, в сущности, монопольного работодателя, а значит — начало приватизации рабочей силы ее носителями. Со временем, после “бархатных революций” в Восточной Европе, распада СССР и прекращения деятельности правящих коммунистических партий объектами приватизации становятся капитал и земля. Показательно, что эти изменения не сопровождаются острыми, кровопролитными, бескомпромиссными, тотальными и массовыми социальными противоборствами, как это было в период смены исторической частной формы собственности ее общественной (государственной) формой и исчезновения слоев частных собственников в ходе осуществления социалистических преобразований. Можно говорить о массовом характере межэтнических войн, противостоянии и напряженности в ряде посткоммунистических стран. Уголовные, полукриминальные и корпоративные “разборки” по поводу распределения и перераспределения собственности с привлечением наемных работников и правоохранительных органов, наконец, реприватизационные конфликты в России и Украине последних лет не достигли макросоциальных масштабов. Предметом этих конфликтов является, как правило, не собственно реинституционализация частной собственности на факторы производства, а ее конкретные формы, средства, сроки, результаты. Недовольство и негодование по поводу “приватизации” — массовых нарушений в процессе приватизации — канализировалось самое большое в голосование за партии левого толка на фоне падения уровня жизни, явной и латентной безработицы. Оппонирование приватизации не вылилось в массовое действенное социальное движение сопротивления. Наоборот, есть все основания говорить о массовых попытках граждан поневоле принять участие в сертификатной (ваучерной) приватизации. Даже вопреки тому, что ни одной из главных целей приватизации — создания массового собственника и значительного слоя малого и среднего предпринимательства путем вовлечения в приватизационный процесс широких слоев населения — не удалось достичь [3, с. 3], деинституционализация монополии общегосударственной и реинституционализация частной собственности пока не стала предметом макросоциального конфликта. К тому же приватизационные процессы в Украине, в отличие от аналогичных в странах Восточной Европы, не носили характера восстановления справедливости путем реституции — возвращения бывшим собственникам национализированного в прошлом имущества, а объекты приватизации в абсолютном большинстве случаев были созданы после 1917 года и национализации — в ходе индустриализации, коллективизации и культурной революции, а также послевоенного восстановления и построения “развитого социализма”.

Институциональные преобразования, обусловленные приватизацией, тоже связаны с изменениями в социальной структуре общества. Проявлением приватизации как социального процесса в посткоммунистическом обществе является воспроизводство социальных слоев частных собственников различных факторов производства. В частности, по данным массовых опросов КМИС, в мае 1992 года доля работодателей среди занятого населения Украины составляла, вероятно всего, $0,5(\pm 0,3)\%$, а доля самозанятых — $4,4(\pm 0,9)\%$; по состоянию на май 2001-го доля работодателей достигла примерно $3(\pm 0,6)\%$, а самозанятых — 12% [4, с. 10]. Эти структурные изменения интерпретированы как параллельная двойная социальная структурированность современного украинского общества, производная от двойной институционализации (Е.Головаха, Н.Панина) — временного взаимодополнительного функционирования прежних и новых социальных институтов, противоречивое сосуществование которых пока что обеспечивает социальную интеграцию и стабильность [5, с. 20–21]. Большинство населения живет (и надеется дальше) жить по приемлемым для себя остаточным институциональным нормам сохранившейся в основных чертах социальной структуры модернизированного социалистического общества. Для этой структуры характерны пожизненное трудоустройство у фактически единственного работодателя-государства, значительная часть престижных социальных позиций в преимущественно непроизводственной сфере (интеллигенция, госслужащие, военнослужащие, работники правоохранительных органов и др.), содержащихся за счет государственного бюджета, и сравнительно широкие возможности вертикальной социальной мобильности. В то же время для явного меньшинства людей более приемлемы институциональные правила новообразованной параллельной социальной структуры, характерными особенностями которой являются значительное неравенство в доходах, условиях жизни и жизненных шансах, жесткая социальная конкуренция, сравнительно ограниченные возможности вертикальной социальной мобильности. Иными словами, для большинства людей приемлема (легитимна) старая структура, для меньшинства — новая. Почему же тогда приватизация сама по себе (как фактор трансформации социальной структуры), в отличие от национализации в прошлом, не встретила на своем пути массового активного сопротивления граждан, а государству, которое ее проводило, не пришлось при этом прибегать к репрессивным мерам? Какова дальнейшая перспектива социального структурогенезиса — слияние обеих параллельных социальных структур или вытеснение одной из них другою? Какой тип социальной структуры общества в итоге воспроизводит мирная и макросоциально бесконфликтная приватизация?

Спектр вероятных направлений и путей социально-структурной трансформации современного украинского общества можно концептуально смоделировать, выбрав в качестве его крайних границ антагонистические макротеоретические полюса — конфликтологический и функционалистский. Признаками социальной структуры на одном полюсе служат взаимоисключительность интересов, непримиримая борьба и взаимное отчуждение социальных слоев, насилие и подавление как основания общественной стабильности; на другом полюсе — взаимосогласованность интересов, функциональная взаимодополнительность и непредвзятость в диалоге между социальными слоями, социальная интеграция и общие ценности как основа общественной стабильности. В сторону какого из этих полюсов — противоборства или согла-

сия — повернет украинское общество с уже имеющимися экзистенциально неминуемыми разительными различиями в социально-экономическом положении и образе жизни обеспеченных и малоимущих, работодателей и наемных работников? Не будет ли воспроизведено подобие той социально-конфликтной структуры, архитектура и дисфункциональный алгоритм которой в свое время сделали возможной социалистическую революцию и социалистические преобразования на фоне социальной гражданской войны?

Вопрос интеграции/дезинтеграции социальной структуры современного украинского общества, сформированной в результате реинституционализации частной собственности в процессе приватизации, а значит и вопрос его (общества) социальной стабильности/нестабильности, учитывая различные внешние и внутренние факторы стабилизации/дестабилизации, составляют актуальную общесоциальную проблему. Разные политические силы и ученые в Украине и за ее пределами работают над отвечающими их интересам, идеологическим убеждениям, видению научной этики тематизациями данной проблемы.

Объектами внимания в исследованиях и публикациях украинских социологов становились разные конкретные аспекты данной социально-проблемной ситуации [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12, с. 89–117; 13; 14, с. 42–53]. Но хотя институциональная проблематика была довольно популярной темой в среде украинских социологов во второй половине 1990-х и вплоть до сего дня, в исследовании интегративных/деинтегративных свойств частной собственности как институциональной почвы социальной структуры и стратификации современного украинского общества сделаны лишь отдельные шаги. В частности, некоторые теоретические основания затронуты И.Поповой и В.Тарасенко в написанных ими главах учебного пособия по экономической социологии [1, с. 32–123], в монографии С.Войтовича [15] и резонансной статье Е.Головахи и Н.Паниной [5]. В другой монографии С.Войтовича [16] рассмотрено социально-историческое содержание данной проблемы. Отдавая должное научной и практической значимости всего этого задела, необходимо отметить недостаточную научную разработанность институционального аспекта очерченной выше социальной проблемы.

Несоответствие между (1) очевидной актуальностью обозначенной проблематики, (2) дефицитом знаний об интегративных/деинтегративных свойствах социального института частной собственности в условиях трансформации современного украинского общества, а также (3) наличием весомых научных предпосылок для получения такого знания, созданных украинскими и зарубежными социологами, можно квалифицировать как самостоятельную актуальную научную проблему. Исходный шаг для ее решения — определение теоретико-методологических принципов ее разработки. Для этого необходим обобщающий анализ основных достижений мировой социальной мысли в сфере теоретической интерпретации общественного феномена частной собственности. Аналитическим критерием обобщения социально-философской, социально-экономической, социально-политической, социально-правовой, социально-психологической и собственно социологической составляющих указанной интерпретации могут стать категориальные контуры концептуальной модели социального института частной собственности. Очертить эти контуры на основе институциональных разработок современной украинской социологии — задача, составляющая содержание данной статьи. Взяв за исходные образцы институциональные концептуализа-

ции, предложенные украинскими социологами [5; 12, с. 89–117; 15; 17; 18], следует сформулировать соответствующие производные от них дефиниции главных характеристик института частной собственности. По сути, речь идет об определении понятийно-категориального аппарата социологической институциональной модели частной собственности — своего рода предварительной теоретической интерпретации основных понятий или, точнее, формулировке дефиниций, содержательное наполнение и связи которых будут уточняться в рамках анализа протосоциологического и классического наследия, а также современных социологических теоретических разработок.

В фундаментальном теоретическом исследовании С.Войтовича [15] основан наиболее существенный критерий определения социального института в ряду других общественных и институциональных образований. Речь идет о способности социального института дифференцировать и структурировать индивидов в группы с различным уровнем доступа к дефицитному жизненному ресурсу, привилегиям и престижу, то есть конституировать социальную структуру общества и таким образом упорядочивать взаимодействие всех социальных субъектов в целостную социальную систему общества [15, с. 34–44]. С точки зрения соответствия этому главному критерию, социальными институтами человеческого общества со времени его зарождения можно считать только кровное родство, власть и собственность. Разным историческим типам общества присуще доминирование в их социальных системах одного из этих социальных институтов. В частности, в первобытнообщинном обществе определяющим фактором его социальной организации оставалось кровное родство. В государственно-сословной модели общества, господствовавшей в средневековой Европе и странах Юго-Восточной Азии до начала XX века, а также (в основных чертах) в дореволюционной России и Советском Союзе, таким фактором являлась власть. Для современных индустриальных обществ характерны утрата властью (государством) господствующей социально-организующей функции и утверждение частной собственности как важного фактора организации социального устройства общества. Относительно этого момента подчеркивается: “В первую очередь, речь идет о частной собственности, поскольку именно в этом значении она получает статус социального института... Как общенародная, то есть государственная или общинная (которая была общественной в родовой общине и государственной — в российской земельной общине), собственность остается всего лишь одной из сфер государственного управления и как таковая не приобретает статуса социального института” [15, с. 62]. Зарождение собственности — это дифференциация и отделение власти экономической от власти политической (государственной). Право управления производством и распределением жизненных ресурсов от имени государства трансформируется в частную собственность с правом отчуждения (купли, продажи, наследования, дарения и т.п.). Этот процесс коррелирует с соответствующими изменениями в социальной структуре общества — появлением новых ценностно-нормативных, статусно-ролевых, стратификационных и организационных составляющих. Конституирование и окончательное утверждение института собственности, зародившегося в недрах института власти и с его развитием вступившего в силу, сопровождалось общественными потрясениями, известными в исторической науке как буржуазно-демократические революции [15, с. 72]. Социалистические революции в этом смысле носили характер обратных общественных преобразований, поскольку обусловили “отсутствие в социалистических обществах собственности как социального институ-

та” и утверждение института власти как единственного определяющего фактора социального порядка [15, с. 74–75]. То есть изменение значения и роли социальных институтов в жизни социума, процессы их генезиса обуславливают соответствующие изменения социальной структуры общества. С другой стороны, генезис социальной структуры общества — это отражение процессов становления и развития его социальных институтов. Социальный аспект института собственности, таким образом, заключается в социальном расслоении общества в зависимости от степени присвоения факторов производства. Поскольку природа социального института объясняется его связью с социальной структурой и стратификацией общества, есть все основания считать, что средоточием предметного содержания социологической институциональной модели института собственности являются эти социально-стратификационные и/или социально-структурные проявления.

В понятиях необходимо концептуализировать генетические, функциональные и морфологические (компонентные и структурные) характеристики социального института частной собственности, его статические и динамические свойства. Все эти характеристики тесно переплетены, поэтому концептуальное выделение их здесь составляет аналитическую условность, необходимую для удобства теоретической и эмпирической интерпретации и операционализации в ходе социологического исследования. Функция, генезис и структура социального института онтологически неразрывны: в генезисе социального института связь между его функцией и структурой заключается в том, что “необходимая функция определяет нужную для ее реализации структуру, а уже потом структура реализует функцию” [18, с. 45]. Эту онтологическую последовательность следует далее иметь в виду, однако вряд ли целесообразно буквально воспроизводить ее в дальнейшем изложении теоретических обобщений.

Социальный институт частной собственности, как и любое другое социальное образование, проявляется в социальной реальности через затребованные обществом функции. Актуализация этих функций обусловлена особенностями взаимодействия субъектов частнособственнических отношений. Интересы этих субъектов в сфере производства и распределения дефицитных жизненных ресурсов, охватывающей практически все общество, взаимосвязаны, взаимозависимы и контрарны [18, с. 51]. Здесь налицо своего рода “обратная пропорциональность” реализации разных интересов: удовлетворение интереса одного субъекта возможно за счет нереализации интереса другого субъекта, и наоборот. Удачный пример такой взаимной зависимости, взаимоисключительности и контрарности находим у В. Матусевича: “интерес арендатора заключается в том, чтобы арендная плата была как можно меньшей, интерес же арендодателя состоит в противоположном — чтобы она была как можно большей”; следовательно, “чем в большей степени во взаимодействии будет реализован интерес арендатора, тем в меньшей — арендодателя, и наоборот, более полная реализация интереса арендодателя приведет к определенным ограничениям интереса арендатора” [18, с. 51]. Подобная взаимоисключительность и контрарность интересов присуща и другим субъектам отношений частной собственности в их взаимодействии — частным предпринимателям-работодателям и наемным работникам, собственникам и неимущим, богатым и бедным, занятым и безработным, продавцам и покупателям, руководителям и подчиненным и т.п. [12, с. 101]. Контрарный характер интересов субъектов, а отсюда и потенциальная конфликтность частнособствен-

нических отношений требуют их упорядочения, сбалансирования, агрегирования и согласования.

На основе обобщения институциональных концептуализаций украинских социологов [5, с. 8; 15, с. 12, 29, 70–71; 17, с. 12; 18, с. 47–54] можно выделить ряд функций, присущих как основоположным социальным институтам в целом, так и институту частной собственности в частности:

- 1) функция социальной фрагментации, то есть дифференциация позиций в социальном пространстве, стратификация занимающих их индивидов и неравномерное распределение между ними дефицитных жизненных ресурсов;
- 2) функция социальной регуляции, то есть упорядочение, налаживание отношений частной собственности таким образом, чтобы взаимоисключающие интересы их субъектов были, по возможности, оптимально сбалансированы, согласованы;
- 3) функция социальной интеграции, то есть объединение разных слоев субъектов частной собственности на почве общих для них социальных правил (норм);
- 4) функция социальной стабилизации, то есть упрочение социально эффективных образцов взаимодействия субъектов частнособственнических отношений.

Заметим, что помимо этих четырех функций институт частной собственности в определенных обстоятельствах может выполнять и противоположные им дисфункции социального отторжения (отчуждения), дезорганизации, дезинтеграции и дестабилизации. Наконец, социальная “цена” интеграции, стабилизации и регуляции также бывает различной — в пределах широкого спектра, начиная с диалога и консенсуса, с одной стороны, и насилия и принуждения — с другой. Функциональные характеристики института частной собственности не ограничиваются указанными функциями. Но принимая во внимание очерченную выше научную проблему, целесообразно сосредоточиться именно на них. Впрочем, здесь говорилось об общих функциях/дисфункциях, которые приписывают всем фундаментальным социальным институтам. Однако возможна и более глубокая конкретизация их.

Основу механизмов реализации указанных функций института частной собственности составляют его морфологические — компонентные и структурные характеристики. В течение последнего десятилетия внимание исследователей сосредоточено в основном на трех характеристиках социальных институтов — легальности, организационной инфраструктуре и легитимности [5, с. 6, 10; 15, с. 24, 26, 28, 29, 31; 18, с. 52–53; 19, с. 136, 144, 174]. Используя их концептуализации как исходные, можно сформулировать производные дефиниции соответствующих институциональных атрибутов частной собственности:

- 1) легальность — официально или конвенционально принятые правила регулирования социального поведения в сфере отношений частной собственности (законы, нормативные структуры, традиции и ритуалы). В совокупности правовых и моральных норм, а также социальных ценностей воплощена значимость для общества и для каждого его члена оптимальных образцов поведения субъектов частнособственнических отношений;
- 2) организационная инфраструктура — организационные структуры или социальные организации, отвечающие за артикуляцию и поря-

док соблюдения этих правил. Эти организации наделены специальными полномочиями для отслеживания нарушений социальных правил (правовых норм), определения и назначения за это соответствующих санкций и обеспечения их выполнения;

- 3) легитимность — добровольное согласие как минимум большинства членов общества с институциональным порядком частнособственнических отношений в силу его социальной приемлемости и значимости. Проявлениями такого согласия могут быть позитивное отношение к указанным социальным правилам и организационным структурам, их признание, одобрение, поддержка, готовность и намерение действовать в их рамках. Носителем легитимности частной собственности выступает общественность как субъект общественного мнения.

Важной структурной характеристикой институциональности частной собственности, производной от ее первого указанного институционального атрибута, можно считать статусно-ролевую систему взаимодействия индивидов. Именно посредством получения социальных статусов и выполнения обусловленных ими социальных ролей происходит конституирование социального порядка и выполнение социальным институтом присущих ему функций. Приблизительное представление о спектре социальных статусов и соответствующих наборов социальных ролей субъектов частнособственнических отношений можно составить, если учесть совокупность основных правомочностей собственника, детально очерченных в юридической науке. Традиционно выделяют три главных правомочия — права владения, пользования и распоряжения. Однако это далеко не полный перечень. Согласно “инвентаризации” английского юриста А.Оноре и современной экономической теории прав собственности, у истоков которой стоял Р.Коуз, “пучок прав”, или правомочностей, насчитывает 11 пунктов: 1) право владения (исключительный физический контроль над объектом собственности); 2) право пользования (личное использование объекта); 3) право управления или распоряжения (принятие решений в отношении субъектов и способов использования объекта); 4) право на доход (либо от предшествующего личного использования объекта, либо на основании предоставления другим лицам разрешения на пользование им); 5) право суверена (право на отчуждение, потребление, растратирование, изменение или уничтожение объекта); 6) право на безопасность (иммунитет от экспроприации объекта); 7) право на передачу объекта (в частности, по наследству); 8) право на бессрочность полномочий владения объектом; 9) право на запрет использования объектов и ресурсов во вред окружающей среде или другим участникам права; 10) право на ответственность в виде взыскания (возможность отчуждения объекта для уплаты долга); 11) право на остаточный характер (право на существование институтов, обеспечивающих восстановление нарушенных правомочностей) [20, с. 10, 15–16]. Статусно-ролевая структура отношений частной собственности лишь в некоторой степени коррелирует с названными выше правомочностями собственника: ее основаниями наряду с правовыми являются также разные экономические, социально-экономические и профессиональные факторы. Все эти критерии используют Е.Суименко и Т.Ефременко для выделения групп социальных статусов, очерчивая статусно-ролевые структуры отношений частной собственности: а) по признаку обладания средствами производства они различают статусы собственника как имущего и наемного работника

как неимущего; б) по признакам пользования и распоряжения — статусы бизнесмена (делового человека) или предпринимателя, инвестора, субъекта трансакций, конкурента, контрагера, работника (рабочего, трудящегося, производителя благ), наемного работника и безработного; в) по признаку распределения (размера получаемой прибыли) — статусы богатого и бедного, середняка, или представителя среднего класса, а также — в рамках социального статуса богача — социальные роли патрона, спонсора, мецената, “укротителя” протестных действий неимущих граждан, гибкого балансера и глухого к требованиям бедняков; г) в процессе обмена — статусы продавца и покупателя, агента и контрагента, бизнесмена и коммерсанта; д) в организации экономической деятельности — статусы руководителя и подчиненного, управляющего и управляемого [12, с. 96–101]. Принимая во внимание некоторые не учтенные в этой систематизации виды правомочности собственника, ее можно дополнить, указав на статусы, действующие в правоотношениях обязательства (должник и кредитор), дарения (даритель и одариваемый), аренды (арендатор и арендодатель), займа (заимодатель и заемщик), ренты (получатель и плательщик ренты) и др.

Не менее важной структурной характеристикой института частной собственности являются его субъект-объектные атрибуты. Речь идет о том, кто есть субъектом отношений собственности и что есть ее объектом. Здесь нужно учитывать аналитически выделенные два антагонистических исторических типа собственности и три социальные формы собственности в рамках каждого из них: 1) общественная собственность как исторический тип существует в социальных формах индивидуальной (лично-трудовой), коллективной и общенародной (государственной) собственности; 2) частная собственность как исторический тип существует в социальных формах индивидуальной, корпоративной (кооперативной, акционерной) и государственной собственности [12, с. 90]. Следовательно, основными субъектами частной собственности являются индивид (гражданин), корпорация (кооператив, акционерное общество) и государство.

Совокупность основных объектов частной собственности в итоге тоже можно свести к трем факторам производства: 1) земля (физическое пространство над определенной площадью земной поверхности и недра под ней); 2) капитал (оборудование, помещения, сооружения, сырье, технология, информация, менеджмент, деньги — все то, что в совокупности составляет малое, среднее или крупное предприятие); 3) рабочая сила (знания, умения, навыки, интеллект, физическая сила, здоровье и время работника).

Генетические характеристики института частной собственности в социологии традиционно обозначаются понятиями “институционализация”, “реинституционализация”, а противоположный по смыслу процесс — понятием “деинституционализация”. Институционализация частнособственнических отношений — это процесс образования, упорядочения и упрочения в обществе всех указанных выше морфологических характеристик института частной собственности. Все его составляющие структурируются и упрочаются как материально, так и в сознании и поведении членов общества. Этот процесс также можно рассмотреть как включение (интегрирование) людей в социальную структуру общества: объективно — через деятельность и поведение в качестве субъектов частнособственнических отношений — и субъективно — через рефлексию институциональных атрибутов частной собственности, обра-

зующих социальный фон и рамки указанной деятельности и поведения. Если за основу концептуализации этого процесса принять модели институционализации, имеющиеся в современной украинской социологии [5, с. 6; 15, с. 17–30; 19, с. 112–116], получим следующую развернутую дефиницию: институционализация частной собственности — это становление последней как социального института в его основных структурных атрибутах (характеристиках):

- 1) легализация, то есть формирование легальности — процесс становления и принятия обществом новых социальных правил, регламентирующих отношения частной собственности (отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления жизненных ресурсов в обществе);
- 2) инфраструктуризация, то есть создание организационной инфраструктуры для поддержания реального действия этих социальных правил;
- 3) легитимация, то есть формирование легитимности, — субъективного принятия людьми указанных социальных норм и организационных структур, в чем проявляется их субъективная интегрированность в соответствующую социальную структуру общества.

Отдельными аспектами первого указанного институционализационного субпроцесса — легализации — выступают: а) структуризация, то есть статусно-ролевая дифференциация социального пространства отношений частной собственности; б) идентификация субъект-объектных составляющих частнособственнических отношений, то есть социальное определение и самоопределения их субъектов, а также определение объектов частной собственности. Деинституционализация частной собственности, в свою очередь, — это процесс, обратный институционализации, процесс разрушения ее институциональных атрибутов. А реинституционализация, соответственно, является возобновлением или воспроизведением ранее разрушенных институциональных атрибутов частной собственности.

Подводя итог концептуальному анализу, следует подчеркнуть, что институт частной собственности как составляющая социальной структуры общества связан с ней через все свои три вида характеристик — генетически (взаимосвязь генезиса этого института и генезиса социальной структуры в целом), функционально (функция социальной структуризации и стратификации) и морфологически (составляющие института, прежде всего его статусно-ролевая система, являются одновременно элементами социальной структуры общества).

Среди всех концептуализированных аспектов института частной собственности особый интерес в плане очерченной выше задачи представляют ее легитимность как институциональный атрибут и механизмы легитимации. В легитимности как функции социально-психологического состояния массового сознания и легитимации как социально-психологическом процессе признания и принятия института частной собственности отражаются все остальные институциональные атрибуты частной собственности. Природа легитимности заключается в том, что она является проявлением субъективной социальной реальности, тогда как остальные институциональные атрибуты (за исключением идентичностей и самоидентичностей субъектов отношений частной собственности) — это в большей мере проявления объективной социальной реальности. Поэтому изучение легитимности и легити-

мации частной собственности — прерогатива преимущественно социологов и социальных психологов, а остальные морфологические институциональные характеристики — социальные правила, организационная инфраструктура, статусно-ролевая структура, субъект-объектные аспекты — находятся на стыке исследовательских интересов представителей социологической, юридической и экономической наук.

Состояние легитимности частной собственности имеет место, когда: а) институциональные составляющие последней — соответствующие социальные правила, статусы и роли, идентичности и образцы поведения — воплощены (интернализированы) в личностных мотивационных структурах субъектов частнособственнических отношений и релевантны по крайней мере для большинства членов общества; б) эти субъекты не только объективно, под давлением внешних обстоятельств и институциональных факторов, но и субъективно интегрированы в отношения частной собственности и социальную структуру общества в целом. Только при таких условиях частную собственность можно считать социальным институтом, реально выполняющим функции регуляции, интеграции, стабилизации, структуризации и стратификации отношений по поводу производства и распределения жизненных ресурсов в обществе. Легитимность/нелегитимность — признак завершенности/незавершенности институционализации частной собственности, полноценности/неполноценности ее как социального института.

Таким образом, в целом пассивное принятие подавляющим большинством украинских граждан социально-структурных и стратификационных последствий приватизации (то есть отсутствие как активного и плодотворного участия большинства людей в приватизационных процессах, так и ощутимого активного сопротивления им) целесообразно концептуализировать и интерпретировать как, вероятно, обусловленное легитимностью/нелегитимностью, легитимацией/делегитимацией/релегитимацией частной и/или государственной собственности. Тогда конкретизация рассматриваемой научной проблемы будет определяться противоречием между (1) социальной актуальностью состояния легитимности/нелегитимности частной собственности в современном украинском обществе, (2) дефицитом знания социально-генетических, социокультурных и социально-структурных особенностей, путей и средств соответствующей легитимации/делегитимации и, одновременно, (3) наличием научных предпосылок для восполнения этого дефицита. Перспектива дальнейших исследований в этом направлении связана с теоретико-методологическим анализом социально-структурных интеграционных/дезинтеграционных последствий приватизации как социального процесса в современном украинском обществе; разработкой концептуальной модели легитимности и легитимации частной собственности как факторов социетальной интеграции; попыткой очертить историческую траекторию процессов генезиса легитимации частной собственности на территории Украины; оценкой легитимационного потенциала экономической культуры украинского населения в отношении частной собственности; определением социально-структурных особенностей легитимации частной собственности в современном украинском обществе; выяснением специфики влияния ведущих социальных институтов общества на легитимацию частной собственности в Украине; сравнительным анализом легитимационных тенденций по отношению к частной собственности на рабочую силу, землю и капитал.

Литература

1. Економічна соціологія : Навчальний посібник / За ред. В.М.Ворони, В.Є.Пилипенка. — К., 1997.
2. *Тарасенко В.І., Іваненко О.О.* Проблема соціальної ідентифікації українського суспільства (соціотехнологічна парадигма). — К., 2004.
3. *Барановський О., Сіденко В.* Проблеми власності та легалізації капіталів і доходів в Україні // Національна безпека і оборона. — 2004. — № 2. — С. 2–13.
4. *Хмелько В.* Макросоціальні зміни в українському суспільстві за роки незалежності // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. — № 1. — С. 5–23.
5. *Головаха Е., Панина Н.* Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 5–22.
6. *Мищенко М., Буров І.* Соціальні аспекти приватизаційних процесів в Україні. — К., 1998.
7. Приватизационные процессы в Украине. (Материалы Круглого стола, 21 апреля 1999 года). — К., 1999.
8. *Суименко Е.И.* Социальная напряженность в приватизационном процессе // Социологические исследования. — 1999. — № 10. — С. 86–94.
9. *Головаха Е.* Економічні реформи і масова свідомість в Україні // Українська приватизація: плюси і мінуси / За ред. О.Й.Пасхавера. — К., 2001. — С. 23–57.
10. *Грищенко К.К., Рудницька Т.М.* Власник в Україні: завдяки чи всупереч приватизації // Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців) / За ред. В.М. Ворони, М.О.Шульги. — К., 2001. — С. 30–36.
11. *Гончарук О.С.* Приватна власність на землю: десять років впровадження // Україна — 2002. Моніторинг соціальних змін / За ред. В.М. Ворони, М.О.Шульги. — К., 2002. — С. 160–168.
12. *Суименко Е.И., Ефременко Т.О.* Номо есопомікус современной Украины. Поведенческий аспект. — К., 2004.
13. *Пилипенко В.Е., Казаков В.С.* Приватизационные конфликты в современном украинском обществе: социологический анализ // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласию. — М.; СПб., 2004. — С. 135–139.
14. *Пилипенко В.Є.* Людина в ринковому суспільстві: орієнтації, поведінка, культура. — К., 2005.
15. *Войтович С.О.* Соціальні інститути суспільства: рід, влада, власність. — К., 1998.
16. *Войтович С.О.* Світ соціальних відносин в українській культурі (історико-соціологічне дослідження). — К., 1994.
17. *Макеев С.* Социальные институты: классические толкования и современные подходы к изучению // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 5–20.
18. *Матусевич В.* Социальный институт: функция, генезис, структура // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 4. — С. 43–56.
19. *Стегній О.Г.* Інституціоналізація екологічних інтересів у суспільстві соціогенних ризиків. — К., 2002.
20. *Домашенко М.В., Рубаник В.Є.* Власність і право власності: Нариси з історії, філософії, теорії і практики регулювання відносин власності в Україні. — Харків, 2002.